

И. Э. ПЕРСИАНИ

Размышления о Греции

От
прибытия
короля
до
конца
1834 года

Иван Персиани

**Размышления о Греции.
От прибытия короля
до конца 1834 года**

«Индрик»

1835

УДК 94(47)

Персиани И. Э.

Размышления о Греции. От прибытия короля до конца 1834 года /
И. Э. Персиани — «Индрик», 1835

ISBN 978-5-91674-407-1

«Рассуждения о Греции» дают возможность получить общее впечатление об активности и целях российской политики в Греции в тот период. Оно складывается из описания действий российской миссии, их оценки, а также рекомендаций молодому греческому монарху. «Рассуждения о Греции» были написаны Персиани в 1835 году, когда он уже несколько лет находился в Греции и успел хорошо познакомиться с политической и экономической ситуацией в стране, обзавестись личными связями среди греческой политической элиты. Персиани решил составить обзор, оценивающий его деятельность, который, как он полагал, мог быть полезен лицам, определяющим российскую внешнюю политику в Греции. Так появились «Рассуждения о Греции». Их предвеляет посвящение директору Азиатского департамента МИД К. К. Родофиникину, которому и была адресована вся работа. Автор не предназначал ее к публикации, но выражал надежду, что она попадет «пред светлые очи» канцлера К. В. Нессельроде. «Рассуждения о Греции от прибытия короля до конца 1834 года» (таково полное название работы Персиани) представляют собой объемную аналитическую записку на французском языке, текст которой занимает свыше 200 листов. Книга подготовлена в рамках гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) Проект № 14-01-00419

УДК 94(47)

ISBN 978-5-91674-407-1

© Персиани И. Э., 1835

© Индрик, 1835

Содержание

Иван Эммануилович Персиани и его «Рассуждения о Греции»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

И. Э. Персиани
Рассуждения о Греции
От прибытия короля до конца 1834 года

© Петрунина О. Е., публикация текста, вступительная статья и комментарии, 2016

© Издательство «Индрик, Оформление, 2016

Иван Эммануилович Персиани и его «Рассуждения о Греции»

В XIX веке на дипломатической службе в России находилось много греков, среди которых такие известные личности как вице-канцлер И. А. Каподистрия, директор Азиатского департамента К. К. Родофиникин. Семья Персиани не достигла таких высоких служебных постов, но четыре ее поколения верно служили российскому государству. Грек-фанариот¹ Эммануил Иванович Персиани получил модное тогда среди греков медицинское образование и даже имел практику в Константинополе. Однако перспектива сделать карьеру на государственно-административном поприще показалась ему более привлекательной. Для образованных греков Османской империи такие возможности были связаны преимущественно с дипломатической службой. Эммануил Персиани, знавший несколько языков, по его собственным словам, принимал участие в первом постоянном посольстве Порты в Лондоне, занимая в нем пост советника. За отличную службу султан «пожаловал ему титулы и привилегии специальным бератом»². Впоследствии Э. Персиани занимал различные должности при дворе К. Ипсиланти³ в Молдавии, а затем в Валахии. Там он влился в ряды довольно многочисленной греческой общины, сложившейся к тому времени в дунайских княжествах.

Однако с началом XIX в. для местных греков наступили нелегкие времена. В 1806 году началась очередная русско-турецкая война. Греки, традиционно составлявшие в Молдавии и Валахии часть правящей элиты, оказались втянутыми в военно-политические события, разворачивавшиеся на территории княжеств. Те из них, кто пошел на сотрудничество с Россией, дорого за это заплатили: османские власти, под верховным суверенитетом которых находились в то время княжества, не простили им измены. Уже в 1806 году бывший валахский господарь К. Ипсиланти со своей семьей, а также его приближенные, в числе которых был и Эммануил Персиани с семьей, вынуждены были эмигрировать, спасая свою жизнь и сетуя на «всегда непостоянную политику Порты»⁴. Спасти от конфискации свое имущество им не удалось. Опись конфискованного имущества была представлена Персиани в российскую миссию в Константинополе, поскольку он надеялся вернуть утраченное при покровительстве России⁵. Однако с началом греческой революции 1821 года всякая надежда восстановить свои позиции при султанском дворе исчезла окончательно. В связи с таким развитием событий Э. Персиани в 1822 г. сумел выхлопотать у российского императора ежегодный пенсион в 2 тыс. руб., который по его смерти в 1839 г. по ходатайству новороссийского и бессарабского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова был продлен его вдове⁶.

После начала русско-турецкой войны многие политэмигранты из дунайских княжеств получили пристанище в России. Кроме того, при зачислении на государственную службу в

---

¹ Фанариоты – греческая элита Османской империи, проживавшая преимущественно в Константинопольском квартале Фанар.

² АВПРИ. Ф. 161. IV-1. Оп. 117. Д. 1–1816. Л. 1.

³ Константин Ипсиланти (1760–1816) – представитель знатной греческой семьи, великий драгоман Порты (1796–1799), господарь Молдавии (1799–1802) и Валахии (1802–1806). Русское правительство предполагало поставить его во главе обоих княжеств одновременно и тем самым объединить их под влиянием России. Однако К. Ипсиланти вел собственную политическую игру: в России стали известны его сношения с Францией и Османской империей. В результате объединительный план провалился и экс-господарь оказался в эмиграции, а его отец, Александр Ипсиланти-старший, оставшийся во власти турок, поплатился головой.

⁴ АВПРИ. Ф. 161. IV-1. Оп. 117. Д. 1–1816. Л. 1об.

⁵ Эта опись упоминается в «Списке прошений, по которым докладывалось государю 28 декабря 1826 г.». См.: АВПРИ. Ф. 161. III-1. Оп. 94. Д. 1–1826. Л. 6об.-7.

⁶ АВПРИ. Ф. 161. IV-8. Оп. 128. Д. 1–1839. Л. 1–2.

России им жаловались классные чины⁷ в соответствии с их социальным происхождением и чином, который они имели на родине. Вернуться на родину им уже было не суждено: по условиям Бухарестского мирного договора 1812 года Порты сохранила верховный суверенитет над княжествами.

В России Персиани продолжали поддерживать отношения со своим покровителем князем К. Ипсиланти, обосновавшемся в Киеве. Там он провел последние годы жизни и в 1816 году скончался. Незадолго до смерти он успел оказать важную услугу некоторым грекам, прибывшим вместе с ним в Россию, снабдив их рекомендательным письмом для поступления на российскую службу. В письме он дал рекомендации своим зятям Александру Негрису и Константину Катакази, Эммануилу Персиани и его сыну Ивану, а также брату своего зятя Гавриилу Катакази. Интересна судьба двух последних: оба они прибыли в Россию подростками вместе с К. Ипсиланти, одновременно подали прошения о принятии их на российскую службу, впоследствии много лет рука об руку трудились в российской миссии в Афинах. По рекомендации К. Ипсиланти (документы служебной переписки постоянно ссылаются на его письмо) все протежируемые им лица были приняты в российское подданство и пожалованы просимыми чинами. 9 сентября 1815 года они были приведены к присяге в Исаакиевском соборе⁸.

Указанное письмо К. Ипсиланти содержит интересные сведения о семьях Персиани и Катакази: из него мы узнаем об их социальном положении, о сотрудничестве с Россией во время русско-турецкой войны 1806–1812 г. Из него же известно, что последним постом, который занимал Эммануил Персиани, был пост гетмана Валашского княжества. В иерархии военных чинов княжества этот чин был вторым после воеводы (господаря). Во время русско-турецкой войны, как свидетельствует К. Ипсиланти, он «с большим рвением послужил снабжению армии, содержанию госпиталей, экипировке и вооружению войск, сформированных в Валахии по приказу Его Императорского Величества»⁹.

В России семья Персиани жила в Одессе и ее материальное положение оставляло желать лучшего. В связи с этим Э. Персиани, получивший по рекомендации К. Ипсиланти чин действительного статского советника, решил просить Александра I о зачислении на российскую службу¹⁰. Э. Персиани испрашивал для себя должность карантинного инспектора в Одессе, «надеясь соделаться в оном месте полезным Высочайшей службе, по давнему упражнению своему в медицине, по привычке к признакам заразительной болезни (речь идет о чуме. – *О.П.*), и к средствам предохранения от оной, и по знанию языков тех наций, которые наиболее посещают тот край», – так было изложено соответствующее место прошения в записке, представленной 24.05.1816 г. в комитет министров за подписью К. В. Нессельроде¹¹. Однако в тот момент вакантного места не нашлось и на заседании комитета министров было решено «употребить действительного статского советника Персиани на службу, когда откроется приличная званию его вакансия»¹². Как явствует из другого документа, впоследствии Э. Персиани действительно служил «по карантинной части» в Одессе до самой своей смерти в 1838 г. и даже принял деятельное участие в ликвидации знаменитой одесской чумы 1837 года¹³.

Между тем, рекомендательное письмо К. Ипсиланти, скорее всего, сыграло определяющую роль в решении императора зачислить двух молодых греков – И. Персиани и Г. Катакази – в штат коллегии иностранных дел. В тексте указа от 11 февраля 1816 г., направленного Сенату, значилось: «Въехавших в Россию с бывшим Господарем княжества Валахского

---

⁷ Классными чинами назывались чины, соответствовавшие четырнадцати классам Табели о рангах.

⁸ АВПРИ. Ф. 161. IV-7. Оп. 126. Д. 2–1815. Л. 2–4, 10–10об.

⁹ АВПРИ. Ф. 1. Оп. IV-1. Д. 44–1816. Л. 3.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 161. IV-1. Оп. 117. Д. 1–1816. Л. 1–2.

¹¹ АВПРИ. Ф. 161. IV-1. Оп. 117. Д. 1–1816. Л. 5.

¹² АВПРИ. Ф. 161. IV-1. Оп. 117. Д. 1–1816. Л. 6.

¹³ АВПРИ. Ф. 161. IV-8. О. 128. Д. 1–1839. Л. 1–1об.

кн. Ипсилантием, тамошних чиновников Гавриила Катакази и Ивана Персиани, пожалованных в коллежские Советники, повелеваем определить в нашу службу и причислить в ведомство Государственной коллегии иностранных дел с жалованьем по чину из общих государственных доходов»¹⁴. Зачисление на службу с возведением сразу в столь высокий – шестой – ранг вместо начального четырнадцатого объяснялось тем, что в России политэмигранты из Османской империи и вассальных государств получали ранги, аналогичные тем, которые они имели на родине. К. Ипсиланти подтверждал, что в Валахии И. Персиани и Г. Катакази принадлежали к числу каминаров¹⁵ и потому просил «в соответствии с тем соотношением, которое соблюдалось прежде и в последнее время касательно большинства валахских и молдавских бояр, а также греческих иммигрантов»¹⁶ предоставить им ранг коллежского советника. 30 марта 1816 г. И. Персиани и Г. Катакази были приведены к присяге как государственные служащие¹⁷.

Причисленный к ведомству коллегии иностранных дел (после 1830 г. – Министерства иностранных дел), И. Персиани вскоре получил первое назначение в качестве канцелярского служителя российской миссии при Германском союзе, располагавшейся во Франкфурте-на-Майне. Соответствующий указ был подписан 11 января 1817 г.¹⁸ Получение следующего ранга не было напрямую связано с занятием более высокой должности: продвижение в классовых чинах определялось выслугой лет, происхождением и уровнем образования. При отсутствии служебных взысканий чиновник мог рассчитывать на получение следующего ранга по истечении определенного срока. Для потомственных дворян сроки пребывания в каждом ранге были несколько сокращены. Сокращались эти сроки и для лиц с высшим образованием, а для чиновников, не имевших даже среднего, наоборот, повышались. Получение следующего ранга досрочно было возможно лишь в исключительных случаях, а «перескочить» через ранг было и вовсе невозможно. Начиная с четвертого ранга, никакого срока пребывания в чинах не устанавливалось: их пожалование определялось исключительно волей государя. Персиани получил ранг статского советника (V) в 1828 г., действительного статского советника (IV) в 1844 г., тайного советника (III) в 1857 г. и, наконец, действительного тайного советника (II) лишь в 1866 г. в связи с выходом в отставку.

В служебных назначениях И. Персиани, как и других дипломатических служащих, большую роль играло знание иностранных языков. Помимо общеобязательного французского и русского, он владел немецким, греческим, и, вероятно, также румынским. Переписку личного и политического характера И. Персиани вел, как тогда было принято, по-французски, знание немецкого было необходимо для дипломатической службы в германских государствах и весьма желательно в 1833–1843 г. в Греции, где немецкий был тогда вторым государственным языком.

И. Персиани хорошо себя зарекомендовал на одной из низших в миссии должностей и потому вскоре был повышен: по представлению посланника барона И. О. Анстета в 1818 г. он получил освободившееся место секретаря миссии, на котором оставался до 1829 г. Указ об этом назначении был подписан Александром I 1 ноября 1818 г. в Ахене¹⁹, где император находился в связи с очередным конгрессом Священного союза. В 1825 г. И. Персиани женился. Женитьба чиновников рассматривалась тогда в России как дело особой важности, для совершения которого требовалось испросить согласие начальства. Благодаря этой процедуре мы знаем и имя первой жены И. Персиани: ею стала Роксандра Мурузи²⁰, представительница знат-

---

¹⁴ АВПРИ. Ф. 1. Оп. IV-1. Д. 44–1816. Л. 4.

¹⁵ Вель-каминар (княжеский секретарь) – боярская должность в Дунайских княжествах.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 1. Оп. IV-1. Д. 44–1816. Л. 2.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 1. Оп. IV-1. Д. 44–1816. Л. 7.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 1. Оп. IV-4. Д. 19–1817. Л. 1.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 1. Оп. IV-4. Д. 15–1818. Л. 1.

²⁰ АВПРИ. Ф. 1. Оп. IV-17. Д. 5–1825. Л. 1–2.

ной греческой фамилии, оказавшейся в России по тем же причинам, что и семейство Персиани. В приданое за нею Персиани получил 3 тыс. Десятин земли в Бендерском цинуте (уезде) в Бессарабии. Роксандра рано умерла и Персиани остался полноправным хозяином этого владения. Земля в Бендерском цинуте, как явствует из «Описания Бессарабской области», составленного коллегой Персиани по дипломатическому ведомству Павлом Свиным в 1816 г., представляла собой степь с плодородными почвами, удобную для земледелия. Проблема заключалась в дефиците рабочих рук вследствие малонаселенности тех мест²¹. И действительно, земля, доставшаяся Персиани, была ненаселенной, а потому стояла необработанной.

Формулярные списки чиновников, обновлявшиеся каждый раз при подаче документов на получение знаков отличия за беспорочную службу, сохранили сведения об отпусках Персиани. Понятие ежегодного отпуска тогда отсутствовало, и отпуски предоставлялись чиновникам по мере необходимости: для поправки здоровья, по семейным обстоятельствам и т. п. В зависимости от обстоятельств отпуск мог быть предоставлен на несколько месяцев и даже на год, причем с полным сохранением содержания. Первый раз прошение об отпуске Персиани подал в 1825 г., вероятно, в связи с женитьбой. Сохранился проект депеши от 22 июля 1825 г. о предоставлении ему четырехмесячного отпуска²². В сентябре того же года мы находим Персиани в Кишиневе. Следующий отпуск по семейным обстоятельствам Персиани потребовался в 1828 г. и в сентябре того же года он уехал на шесть месяцев сначала в Одессу к родителям, а затем в Молдавию улаживать свои имущественные дела²³. Однако вовремя вернуться из отпуска он не смог. О причинах своей задержки Персиани докладывал своему начальнику посланнику во Франкфурте. В феврале 1829 года он писал И. О. Анстету о том, что решение имущественных вопросов семьи ему не удалось завершить за время отпуска. Он просил своего шефа ходатайствовать о его переводе куда-нибудь поближе к месту проживания родных и о продлении отпуска еще на полгода. В случае невозможности перевода в более удобное место, он просил уволить его с должности секретаря миссии во Франкфурте²⁴. Отпуск был продлен, отставка принята и Персиани причислен к делам КИД, в связи с чем ему надлежало отправиться в Петербург²⁵. Но явиться вовремя к месту службы он опять не смог. На этот раз препятствием послужила эпидемия. Как явствует из его письма на имя К. В. Нессельроде и оправдательной записки, составленной им в связи с опозданием на службу, противоэпидемические карантинные меры не позволили ему покинуть охваченный эпидемией район. И небезосновательно: Персиани сам стал жертвой болезни²⁶. Чтобы не платить штраф в размере годового жалования за необоснованное отсутствие на службе, Персиани представил медицинские свидетельства докторов из Ясс и Одессы, где он проживал во время затянувшейся на несколько месяцев болезни²⁷. После 1830 года Персиани, как указывается в его формуляре, «вне службы и в отпусках не был»²⁸.

В 1831 г. Персиани был назначен первым секретарем в недавно созданную миссию при Греческом королевском дворе²⁹ и прослужил в этой должности почти до конца 1843 г. С 1834 г. он служил под началом своего старого знакомого Г. Катакази, назначенного чрезвычайным посланником и полномочным министром в эту страну.

В 1836 г. Персиани был повышен в должности до старшего секретаря. Все это время он не покидал места службы. В этом и не было необходимости: семейные дела Персиани утряслись.

---

²¹ Свиный П. П. Описание Бессарабии // *Stratum plus*. № 6. 2001–2002. С. 391.

²² АВПРИ. Ф. 1. Оп. IV-14. Д. 30–1825. Л. 1.

²³ АВПРИ. Ф. 1. Оп. IV-7. Д. 41–1828. Л. 2–2об., 7; Ф. 1. Оп. IV-14. Д. 30–1825. Л. 4.

²⁴ АВПРИ. Ф. 1. Оп. IV-1. Д. 11–1829. Л. 5–7.

²⁵ Там же. Л. 15.

²⁶ АВПРИ. Ф. 1. Оп. IV-14. Д. 30–1825. Л. 5–6, 9, 12–15.

²⁷ АВПРИ. Ф. 1. Оп. IV-14. Д. 30–1825. Л. 16, 17.

²⁸ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 2602. Л. 8об.

²⁹ АВПРИ. Ф. 161. IV-2. Оп. 160. Д. 13–1831. Л. 1–2.

Его вторая жена Смарагда в 1841 г. родила двоих сыновей – Виктора и Александра, вскоре крещеных в русской посольской церкви в Афинах³⁰. В 1858–1862 годах оба брата обучались в Императорском Александровском лицее и были выпущены с присвоением чина коллежского секретаря (X кл.). Оба сына И. Персиани, Виктор и Александр, по окончании Александровского лицея пошли по стопам отца и были зачислены на службу в Азиатский департамент МИД, причем Александр (1841–1896) в 1866 г. получил назначение в российскую миссию в Афинах, где, как и его отец, служил секретарем³¹. С 1877 г. А. И. Персиани служил в российской миссии в Сербии, с 1878 г. в ранге министра-резидента, в 1889–1895 гг. в ранге посланника. Сын А. И. Персиани Иван (1871–1930) также был российским дипломатом, после 1917 г. эмигрировал и в 1926 г. поступил на дипломатическую службу в МИД королевства сербов, хорватов и словенцев.

Новое назначение И. Э. Персиани было связано с позицией России в связи с происшедшей в Греции 3 сентября 1843 г. революцией, вызвавшей смену политического режима: из абсолютной монархии страна превратилась в дуалистическую. Демонстрируя свое отношение к этим событиям, в Петербурге решили понизить ранг российского дипломатического представителя в Греции с посланника до поверенного в делах. На последнюю должность был назначен Персиани: трудно было найти человека, имевшего большой опыт дипломатической работы в этой стране. Бывший посланник Г. Катакази, чье поведение во время революционных событий вызвало недовольство начальства, был не только отозван, но и отправлен в отставку и восстановлен на службе лишь через год.

Крымская война стала важным рубежом в истории отечественной дипломатии. По окончании войны в МИД были проведены существенные кадровые перестановки, коснувшиеся и Персиани. В 1857 г. он был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при Ганноверском и Ольденбургском дворах и в этой должности находился до конца своей служебной карьеры. В 1866 г., будучи уже 75-летним человеком с пошатнувшимся здоровьем, он подал прошение об отставке. Возможно, на его решение покинуть службу повлияли и бурные события в германских государствах в том году. В результате австро-прусской войны великое герцогство Ольденбург вошло в состав Северо-Германского союза, а королевство Ганновер было непосредственно включено в состав Пруссии. 10 сентября 1866 Александр II подписал указ об увольнении И. Э. Персиани от службы с производством в действительные тайные советники и выплатой ежегодной пенсии в 6 тыс. руб.³²

Особое место в карьере российского чиновника занимали награды. Награждение проводилось орденами, памятными медалями и знаками. Награды могли выдаваться как за заслуги, так и за выслугу лет. В послужном списке И. Э. Персиани есть и те, и другие. В 1821 г. он был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. «в воздаяние ревностной службы Вашей и особенных трудов, начальством засвидетельствованных», – как говорилось в монаршем указе³³. Орден этот, несмотря на низкую степень, ценился высоко, поскольку давался исключительно за заслуги: даже великие князья, получавшие при рождении орден Св. Андрея Первозванного и тем самым становившиеся кавалерами большинства других российских орденов, не получали Св. Владимира автоматически. Ценность этого ордена была столь велика, что, например, Николай II, имевший все высшие ордена по рождению, возложил на себя владимирский крестик 4-й ст. лишь через 25 лет выслуги в офицерских чинах³⁴.

---

³⁰ АВПРИ. Ф. 161. IV-1. Оп. 117. Д. 65–1862. Л. 3–4.

³¹ АВПРИ. Ф. 161. IV-1. Оп. 117. Д. 65–1862. Л. 1, 19; д. 66–1862. Л. 1, 15; Ф. 159. Оп. 464. Д. 2601. Л. 1–2; д. 2603. Л. 1–2.

³² АВПРИ. Ф. 159. Оп. 749/1. Д. 12. Л. 160.

³³ АВПРИ. Ф. 1. Оп. IV-9. Д. 21–1821. Л. 25.

³⁴ Дуров В. А. Ордена российской империи. М., 2002. С. 130.

В 1825 г. «в награду отличного усердия к службе»³⁵ Персиани был награжден орденом Св. Анны 2-й ст., затем получил знаки того же ордена, украшенные императорской короной, что повышало его достоинство (1838). В 1841 г. он был «во внимании к постоянно-ревностной службе и трудам его, начальством засвидетельствованным, Всемилоостивейше пожалован кавалером Святого равноапостольного князя Владимира 3-ей степени»³⁶. Потом Персиани был награжден орденом Св. Станислава 1-й ст. (1850), орденом Св. Анны 1-й ст. (1854) – эта степень ордена могла быть пожалована только генералам. В самом деле, Персиани в то время был действительным статским советником, что соответствовало армейскому генерал-майору. Затем последовало награждение орденом Св. Владимира 2-й ст. (1862). Наконец, в 1866 г. За 50 лет службы в МИД ему был пожалован орден Белого орла – одна из высших государственных наград. Этот польский орден в 1831 г. занял почетное место в иерархии российских орденов. Другие высшие ордена – Св. Александра Невского, Св. Владимира 1-й ст. и Св. Апостола Андрея Первозванного – И. Э. Персиани получить не успел. К тому же, для двух последних существовал особый порядок награждения. Помимо орденов, Персиани был награжден также медалью в память о крымской войне.

В российской империи награждение орденом было равносильно вступлению в своего рода почетное братство, члены которого получали определенные привилегии: например, они могли получать дополнительную пенсию, им сокращался срок выслуги следующего чина и др. Однако, помимо привилегий, у них существовали также обязанности. В частности, при получении ордена они должны были оплатить не только стоимость орденских знаков, но и внести в кассу капитула Императорских российских орденов определенную сумму в качестве пожертвования на богоугодные заведения, которые содержались за счет капитула. Сумма эта менялась с течением времени и была тем выше, чем выше было достоинство ордена. Так, при получении ордена Св. Владимира 4-й ст. Персиани внес в капитул 30 руб., за орден Св. Анны 2-й ст. – 100 руб. и т. д.

Помимо российских, Персиани был удостоен также многих иностранных орденов, полученных, в основном, в тех государствах, где проходила его дипломатическая служба. За время службы в миссии при Германском союзе он получил от Великого герцога Баденского орден Льва Церингенского. Будучи поверенным в делах в Греции, он получил командорский крест ордена Спасителя – высшей государственной награды этой страны, а турецкий султан наградил его орденом Нишан-Ифтигар. В годы службы посланником при Ганноверском и Ольденбургском дворах он получил награды и этих государств: ганноверский орден Гвельфов и орден Ольденбургского дома 1-й ст.

Императором Николаем I в 1827 г. была введена еще одна награда за выслугу лет: знак отличия беспорочной службы. Он жаловался за 15, 20, 25, 30, 35, 40, 45 и 50 лет беспорочной службы военным – на георгиевской ленте, гражданским чиновникам – на владимирской, поскольку орден Св. Георгия в России выдавался исключительно за боевые подвиги, а орден Св. Владимира – и за гражданские заслуги тоже. При получении знака высшего достоинства предыдущий возвращался. Из формулярных списков И. Э. Персиани, которые обновлялись каждый раз при получении очередного знака, мы узнаем о получении им знаков отличия беспорочной службы, начиная с 15-летнего достоинства. Награжденные этим знаком должны были носить его постоянно, демонстрируя тем самым, что начальство – а знак жаловался по представлению министра – высоко ценит их трудолюбие, опыт и моральные качества.

Таким образом, ко времени выхода на пенсию бедный политэмигрант превратился в важного государственного сановника. Его служебная карьера – результат усердия и личных заслуг, которые не оставались без внимания начальства.

---

³⁵ АВПРИ. Ф. 1. Оп. IV-9. Д. 8–1825. Л. 1.

³⁶ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 2602. Л. 8об–9.

* * *

«Рассуждения о Греции» были написаны Персиани в 1835 году, когда он уже несколько лет находился в Греции и успел хорошо познакомиться с политической и экономической ситуацией в стране, обзавестись личными связями среди греческой политической элиты.

Королевство Греция появилось на карте Европы в 1830 году, освободившись от почти четырехвекового османского владычества. Новое государство, по замыслу великих держав той эпохи – России, Англии и Франции, в немалой степени способствовавших его появлению, должно было покончить с османским прошлым и войти в число европейских государств. По соглашению между державами, в Греции, где к тому времени не было ни древних княжеских родов, ни даже дворянства, устанавливалась наследственная монархия. На греческий престол был приглашен принц Оттон Фридрих Баварский, второй сын баварского короля Людвига I. Он приехал в страну в январе 1833 года, но до его совершеннолетия (лето 1835) бразды правления вручались регентству, назначенному его отцом. Декретом от 5 октября 1832 года Людвиг Баварский назначил трех регентов: экономиста Йозефа фон Армансперга, профессора права Людвига фон Маурера и генерал-майора Карла фон Гейдека, а также двух чиновников с совещательными голосами, Карла фон Абеля и Карла Грайнера. Формально регентство правило Грецией в 1833–35 г., но фактически оно находилось у власти и после совершеннолетия Оттона до 1837 г., хотя и в изменившемся составе. Июль 1834 г. стал рубежом между т. н. первым и вторым регентством: в это время Мюнхен отозвал из Греции Маурера и Абеля, прислав на место первого Эгида фон кобеля, место второго осталось вакантным. В период второго регентства при молчаливом согласии Гейдека и кобеля вся полнота власти фактически сосредоточилась в руках Армансперга, на долю которого выпала «честь» подавления вспыхнувших в нескольких частях страны антибаварских восстаний.

Прибывшее вместе с королем Оттоном регентство обнаружило страну, разоренную почти десятилетней войной с турками, в состоянии гражданской войны. Последняя нанесла дополнительный урон экономике и свела на «нет» результаты многих начинаний, предпринятых первым президентом Греции И. Каподистрией³⁷. Возрождение страны приходилось начинать практически с нуля. Регентство немедленно взялось за строительство греческого государства, исходя при этом больше из европейских принципов и понятий, чем из греческой действительности. Энтузиазм, с которым баварцы восприняли свою миссию в Греции объяснялся во многом их филэллинскими настроениями, к тому же первым филэллином в Баварии был сам король Людвиг.

Находившийся в это время в Греции Персиани имел возможность лично наблюдать и за политической жизнью новорожденного государства, и за действиями регентства. В 1835 году, когда срок полномочий регентства подходил к концу, Персиани решил составить обзор, оценивающий его деятельность, который, как он полагал, мог быть полезен лицам, определяющим российскую внешнюю политику в Греции. Так появились «Рассуждения о Греции». Их предваряет посвящение директору Азиатского департамента МИД К. К. Родофиникину, которому и была адресована вся работа. Автор не предназначал ее к публикации, но выражал надежду, что она попадет «пред светлые очи» канцлера К. В. Нессельроде.

«Рассуждения о Греции от прибытия короля до конца 1834 года» (таково полное название работы Персиани) представляют собой объемную аналитическую записку на французском

---

³⁷ Граф Иоанн Каподистрия (1776–1831) происходил из знатной семьи с о. Керкира. Получил медицинское образование в Италии, во время русского протектората (1799–1807) занимал ответственные посты в Ионическом правительстве. После передачи островов под покровительство Франции приехал в Петербург (1809) и поступил на русскую службу. Благодаря своим недюжинным способностям государственного деятеля дослужился до поста вице-канцлера. В 1828–31 годах занимал пост президента тогда еще республиканской Греции. Злодейски убит в октябре 1831 года.

языке, текст которой занимает свыше 200 листов, переписанных от руки и помещенных в специально изготовленную твердую папку с тисненым заглавием работы и годом ее написания. «рассуждения» состоят из предисловия, пространныго введения, где подробно анализируются причины политической нестабильности в Греции, и двух частей. В первой части, занимающей свыше половины объема всей работы, обстоятельно описывается политическая ситуация в Греции в 1832–1834 г. и анализируется политика баварского регентства до конца 1834 г. Большое внимание в ней уделяется причинам и механизмам формирования т. н. партий – политических группировок, оказывавших значительное влияние на политическую жизнь страны³⁸. Вторая часть представляет собой краткий обзор политического устройства Греции, ее административной сферы, церковно-государственных отношений, финансов, состояния торговли, армии и флота и др. Подлинник этого сочинения хранится в Архиве внешней политики российской империи³⁹.

В «рассуждениях» Персиани можно выделить два пласта: описательный и аналитический. Сочинение Персиани содержит преимущественно факты и события, известные и по другим источникам, на которые часто указывает сам автор. Точное и подкрепленное доказательствами изложение материала свидетельствует о серьезном подходе автора работы. Перед нами специалист-эксперт, которому чужды наивные восторги и поверхностный взгляд многочисленных европейских путешественников, посещавших тогда Грецию. Но Персиани не просто описывает события: он сравнивает, обобщает, делает выводы. Целый ряд похожих заключений, касающихся политики регентства, был позже сформулирован и признан историками.

Однако, в изложении и оценках некоторых событий Персиани принципиальным образом расходится с утвердившейся в среде историков точкой зрения. Важнейшие из этих расхождений касаются оценки политики первого президента страны И. Каподистрии, а также событий, предшествовавших имевшему серьезные политические последствия судебному процессу над крупнейшим военачальником эпохи революции 1821 г. Ф. Колокотронисом.

Анализ правления И. Каподистрии не входит в непосредственную задачу автора «рассуждений», это другой хронологический период. Однако на самом деле он в сочинении Персиани присутствует и служит отправной точкой при описании положения дел в различных областях, а также используется для сравнения с мероприятиями регентства. Общий вывод, который можно сделать, собрав по страницам сочинения Персиани мнения автора о различных направлениях деятельности первого президента Греции, таков: Каподистрия был лучшим правителем, какого страна могла только пожелать. В отличие от многих историков, находящих в политике Каподистрии некоторые «перегибы», которые, по их мнению, и стали причиной формирования оппозиции, Персиани полагает, что путь, которым пошел Каподистрия, был единственно возможным для страны. Раздувание оппозиционных настроений он приписывает действиям иностранных держав⁴⁰.

До сих пор многих интересует вопрос о заказчиках и вдохновителях убийства Каподистрии, поскольку известные на сегодняшний день документы не называют их имен. Не найдем мы их и у Персиани, который сознательно уклоняется от обсуждения этого вопроса. Тем не менее, в «рассуждениях о Греции» можно найти некоторые косвенные указания на этот счет. Прежде всего, это касается вопроса о причастности к этому злодеянию России, на которую пытались возложить вину за него его истинные виновники. Сожаление Персиани о гибели Каподистрии столь же велико, сколь велико и его негодование по поводу открытого убийства

---

³⁸ Подробнее об этом см.: Мисюревич О. Е. Становление национального государства в Греции: «русская партия» в 1837–1844 гг. М., 1997. С. 41–59.

³⁹ АВПРИ. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66.

⁴⁰ Автор самой авторитетной по этому вопросу работы признает факт вмешательства держав во внутренние дела греков, но не считает его решающим фактором, определявшим действия оппозиции. См.: Λούκος Χ. Η αντιπολίτευση κατά του Κυβερνήτη Ιω. Καποδίστρια 1828–1831. Αθήνα, 1988.

законного президента страны. Достаточно сказать, что с выражения своего возмущения и чувства стыда за «нацию, обогрившую свои руки кровью главы государства» он начинает свое сочинение. Вряд ли наш автор смог бы так смело выражать эти настроения, если бы они, хотя бы отчасти, не разделялись его начальством. Иначе и не могло быть: Россия ни в коей мере не была заинтересована в смерти Каподистрии, а его гибель стала одной из важнейших причин удара, нанесенного по «русской» партии в Греции в первой половине 1830-х годов и ослабления влияния России в этой стране. Разумеется, в этой ситуации трудно заподозрить российскую дипломатию не только в причастности к убийству, но и вообще в каких-либо злых намерениях в отношении греческого президента.

Важнейшую причину всех несчастий Греции Персиани видит в интригах Англии и Франции: «...Именно агенты этих двух держав, чтобы утвердить в Греции их влияние, посеяли смуту среди ее жителей, наточили нож, поразивший графа И. Каподистрию». Но это общая оценка, а в частности, Персиани склонен согласиться с теми, кто обвинял в сговоре с убийцами Каподистрии французского посланника барона Руана. Возможно, выводы Персиани имеют под собой те же основания, что и свидетельство состоявшего в то время на службе в Греции русского офицера А. Н. Райка⁴¹. Также Персиани возлагает на Англию и Францию вину за разжигание гражданской войны в Греции после смерти И. Каподистрии.

У Персиани сложилась своя, отличная от некоторых современников и многих историков, оценка событий, связанных с т. н. «заговором Колокотрониса» и последующими репрессиями в отношении сторонников России в Греции. Он полагал, что этот «заговор» был полностью сфабрикован британской дипломатией и ее агентами из числа баварцев⁴²

---

⁴¹ Райк А. Н. Записка об убиении Каподистрии, составленная А. Н. Райком \\\ Русский Архив. 1869. С. 882–910.

⁴² Подробнее об этом см.: Петрунина О. Е. «Рассуждения о Греции» И. Э. Персиани: новый источник по греческой истории 1830-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 5. С. 19–34; Петрунина О. Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX в.: Очерки политического развития. М., 2010. С. 235–242.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.